

Клодиус Бомбарнак -4/ продолжение романа

Category: Kitapcy,Romanlar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Клодиус Бомбарнак -4/ продолжение романа Да, черт возьми, это он!.. Но он меня нисколько не интересует. Впрочем, там видно будет, я знаю его по фотографиям и на худой конец извлеку из него какую-нибудь пользу...

Через полчаса дверь на передней площадке захлопнулась. Значит, начальник поезда вошел в свое купе... Меня так и подмывает сразу же отправиться в багажный вагон. Но я запасаясь терпением. Пусть Попов покрепче уснет.

В едва освещенных вагонах царит тишина. За окнами непроглядный мрак.

Грохот поезда сливается со свистом свежего ветра.

Я встаю, отдергиваю шторку на одной из ламп и смотрю на часы...

Одиннадцать с минутами. До станции Геок-Тепе остается еще два часа.

Настало время действовать. Проскользнув между диванами к двери вагона, я тихонько отворяю ее, не будучи услышанным и никого не разбудив.

И вот я на площадке перед тамбуром, вздрагивающим при каждом толчке.

Над пустыней нависла такая темная ночь, что мне начинает казаться, будто я нахожусь на корабле, скользящем в сплошном мраке по безбрежному океану.

Из купе начальника поезда пробивается сквозь занавески слабый свет.

Подождать, пока он погаснет? Нет, скорее всего, он будет гореть до утра.

Во всяком случае, Попов не спит – я слышу, как он ворочается.

Стою на площадке, держась за поручни. Наклонившись вперед, я вижу светлую полосу, которую отбрасывает ламповый прожектор на локомотиве.

Создается впечатление, что перед нами расстилается огненный путь. Надо мною быстро и беспорядочно проносятся клочковатые тучи, а в разрывах туч мерцает несколько созвездий. Вот Кассиопея, на севере – Малая Медведица, в зените – Вега из созвездия Лиры.

Выждав некоторое время и убедившись в полной безопасности, я прохожу через тамбур прямо к багажному вагону. Дверь закрыта только на засов.

Я отворяю ее и вхожу в вагон. Делаю я это очень тихо, чтобы не привлечь внимания Попова и тем более моего «добровольного узника».

В багажнике нет окон, тьма кромешная, ориентироваться можно только ощупью. И все же мне удается выбрать правильное направление. Я помню, что таинственный ящик находится в левом углу от входа. Главное, не натолкнуться бы на какой-нибудь сундук, особенно на багаж Фулька Эфринеля.

Представляю, какой бы он поднял шум, если бы опрокинулся один из его ящиков и рассыпались пакетики с искусственными зубами... Осторожно прокрадываюсь к ящику. Муха прошла бы по нему не легче, чем это сделали мои руки, скользя по его краям.

Прикладываюсь ухом к передней стенке.

Ничего не слышно, даже дыхания.

Продукция торгового дома «Стронг Бульбуль и Ко» в Нью-Йорке, расфасованная в бумажных пакетиках и уложенная в ящики, не могла бы быть более молчаливой.

И тут меня охватил страх, страх, как бы не потерпели крушение мои репортерские надежды. Не ошибся ли я тогда на борту «Астры»? Не во сне ли мне почудилось это дыхание и чихание? Неужели в ящике никого нет, даже Цейтунга? А может быть, и в самом деле там запакованы зеркала, выписанные мадемуазель Зинкой Клорк, улица Ша-Хуа, Пекин, Китай?

Нет! Как ни слабо оно было, но через несколько минут я уловил движение внутри ящика. И вот оно усиливается. Я начинаю ждать, не раздвинется ли стенка и не выйдет ли узник из своей тюрьмы подышать свежим воздухом.

Лучшее, что я могу сделать, чтобы не быть замеченным, –

забиться в глубину вагона, между двумя тюками. Благодаря темноте, бояться нечего.

Вдруг раздается слабый сухой треск. Тут уже не может быть никакой ошибки: только что чиркнули спичкой...

Вслед за тем, сквозь дырочки, просверленные в ящике, начинает пробиваться слабый свет.

Все ясно! Раньше я еще мог ошибиться относительно места, занимаемого пленником в ряду живых существ, а теперь могу сказать с уверенностью, что это человек или... обезьяна, знающая употребление огня и умеющая также обращаться со спичками. Некоторые путешественники уверяют, будто такие существуют, но верить им приходится на слово.

Признаться, меня охватывает волнение, я замер, стараюсь не шевелиться.

Проходит минута, две... Дверца не отодвигается. Незнакомец, кажется, и не думает вылезать...

Я еще выжидаю из предосторожности. Затем мне приходит мысль воспользоваться освещением. Попробую заглянуть в дырочки...

Встаю, подкрадываюсь, приближаюсь... Только бы свет не погас.

И вот я наконец у выдвижной стенки. Стараясь не коснуться ее, приближаю глаз к одному из отверстий...

Да, там действительно сидит человек, и вовсе не австрийский портной Цейтунг... Небо сжалилось надо мной!.. Я мысленно пополняю свой реестр одиннадцатым номером.

Ему можно дать не больше двадцати пяти – двадцати шести лет. У него черная борода. Это типичный румын. Значит, подтверждаются и мои предположения относительно национальной принадлежности получательницы багажа. Лицо у него энергичное, но глаза добрые. Да и может ли не быть энергичным человек, отважившийся на такое длительное путешествие в ящике!

Но если он несколько не похож на злодея, выжидающего удобной минуты, чтобы совершить преступление, то, должен вам признаться, еще меньше он походит на героя, которого я хотел бы сделать главным действующим лицом моего повествования.

Между прочим, и австриец, и испанцы, путешествовавшие в ящиках, тоже не были героями: это были скромные молодые люди, самые обыкновенные обыватели, и однако же они дали возможность

репортерам заполнить немало газетных столбцов. То же будет и с моим славным номером 11. С помощью красноречивого вступления, эффектной завязки, преувеличений, антонимов, метафор, тропов и других риторических фигур я его приукрашу, возвышу, возвеличу, я проявлю его... как проявляют фотографическую пластинку.

К тому же совершить путешествие в ящике из Тифлиса в Пекин совсем не то, что съездить в Париж из Вены или из Барселоны, как это сделали Цейтунг, Эррес и Флора Англора.

Повторяю еще раз, что я не выдам моего румына и никому о нем не скажу.

Пусть он не сомневается в моем умении держать язык за зубами и рассчитывает на мои добрые услуги, если его обнаружат. Но этого не должно случиться!

Интересно, что он сейчас делает? Подумать только, сидя на дне ящика, этот славный малый преспокойно ужинает при свете маленькой лампочки! На коленях у него коробка с консервами и сухарь, а из маленького шкафчика выглядывает несколько полных бутылок, кроме того, на стенке висят одеяло и плащ.

В общем, мой номер 11 прекрасно устроился. Он сидит в своем убежище, как улитка в раковине. Его «дом» едет вместе с ним, и он экономит на этом по меньшей мере тысячу франков, которые стоил бы проезд из Тифлиса в Пекин даже во втором классе. Я знаю, конечно, что это называется мошенничеством и что мошенничество преследуется законом. Пока же он может выходить из своего ящика, когда ему заблагорассудится, прогуливаться по вагону, а ночью даже выбираться на площадку. Нет, мне его совсем не жалко! Напротив, я охотно бы занял его место, место этого живого груза, адресованного на имя хорошенькой румынки.

Мне приходит в голову мысль – может быть, удачная, а может быть, и нет: слегка постучать в стенку ящика, завести разговор с моим новым попутчиком и узнать, кто он и откуда едет. А куда он направляется – мне и без него известно! Любопытство так и гложет меня... Я должен его удовлетворить!..

Бывают минуты, когда репортер уподобляется дочери Евы!

Бедный малый, а как он к этому отнесется? Не сомневаюсь, что очень хорошо. Нужно ему отрекомендоваться, сказать, что я француз, а ведь всякий румын прекрасно знает, что на француза

можно положиться. Я предложу ему свои услуги, предложу скрасить тюремную скуку моим интервью и постараюсь пополнить его припасы какими-нибудь лакомствами. Ему не придется сожалеть о моих посещениях и опасаться моей неосторожности.

Решаюсь и – стучу в стенку.

Свет моментально гаснет.

Узник затаил дыхание.

– Откройте, – шепчу я по-русски, – откройте!..

Я не успеваю закончить фразы, как поезд резко содрогается и замедляет ход.

Между тем мы не доехали до станции Геок-Тепе.

В эту минуту я слышу крики.

Я поспешно покидаю вагон и закрываю за собой дверь.

Надо сказать, что сделал я это как раз вовремя.

Только я успеваю добежать до площадки, как открывается дверь служебного отделения и оттуда вылетает начальник поезда. Не заметив меня, он входит в багажный вагон и направляется к локомотиву.

Почти тотчас же поезд снова набирает нормальную скорость, а минутой позже показывается Попов.

– Что случилось?

– То, что случается довольно часто, господин Бомбарнак. Мы переехали верблюда.

– Бедное животное!

– Да, но из-за него поезд чуть не сошел с рельсов.

– В таком случае отвратительное животное!

8.

Я вернулся в свой вагон раньше, чем поезд прибыл на станцию Геок-Тепе.

Проклятый верблюд! Не попадись он так некстати на дороге, я бы уже свел знакомство с номером 11. Он бы отодвинул стенку, мы дружески побеседовали бы с ним и обменялись крепким рукопожатием... Представляю, как он теперь встревожен. Ведь он знает, что его обман открылся, что существует какой-то человек, чьи намерения ему неизвестны и которому ничего не

стоит выдать его секрет... А тогда его извлекут из ящика, на следующей же станции отдадут под стражу, и напрасно мадемуазель Зинка Клорк будет ждать его в столице Поднебесной Империи!

Да, следовало бы успокоить его теперь же, этой же ночью... Но как это сделать? Скоро поезд остановится в Геок-Тепе, потом в Ашхабаде и выйдет оттуда уже на рассвете. На сон Попова рассчитывать больше не приходится.

Пока я предавался размышлениям, поезд прибыл в Геок-Тепе. Был час пополудни. Никто из моих спутников не захотел покинуть своего ложа.

Спускаюсь на платформу и начинаю прохаживаться возле багажного вагона.

Пытаться проникнуть в него было бы чересчур рискованно. Конечно, я бы с удовольствием побродил по городу, но в темноте ничего не увидишь. Судя по тому, что мне рассказывал майор Нольтиц, там еще остались следы от военных действий: солдаты генерала Скобелева, штурмовавшие Геок-Тепе 1 января 1881 года, снесли укрепления и разрушили бастионы... Но ничего не поделаешь.

Остается только поверить майору на слово.

Поезд уходит в два часа ночи, приняв несколько новых пассажиров.

С площадки вагона угадываются неясные громады гор, окаймляющих горизонт где-то у персидской границы. На переднем плане зеленеют сады оазиса, орошаемого многочисленными каналами – «арыками». Затем поезд пересекает обширную, хорошо возделанную равнину. Дорога делает частые повороты, или, как говорят здесь, «петляет». Убедившись в том, что Попов и не собирается засыпать, я возвращаюсь в свое купе.

В три часа опять остановка. С платформы кричат: «Ашхабад! Ашхабад!» Не в силах усидеть на месте, я выхожу на вокзальную площадь и отправляюсь бродить по городу. Все мои спутники продолжают спать крепким сном.

Ашхабад – самая большая станция на Закаспийской железной дороге, и я весьма кстати вспоминаю, что писал о нем инженер Буланжье, совершивший интересное путешествие до Мерва. Мне же

удалось только разглядеть по левую сторону от вокзала темный силуэт туркменского форта, возвышающийся над новым городом, население которого почти удвоилось с 1887 года. Очертания этого форта смутно проступают за густой завесой зелени.

В половине четвертого возвращаюсь на платформу. Как раз в эту минуту, не знаю зачем, Попов проходит в багажный вагон. Представляю, как тревожат молодого румына эти бесконечные хождения мимо его ящика.

Но вот Попов опять на платформе.

– Нет ли чего-нибудь новенького? – спрашиваю его.

– Нет, господин Бомбарнак, ничего нового, если не считать того, что подул свежий утренний ветерок.

– Да, ветерок свежий, – говорю я. – А нет ли, кстати, на вокзале буфета?

– Как же, есть, для удобства пассажиров.

– Надо думать, что и для удобства служащих? Не зайти ли нам туда, господин Попов?

И Попов не заставляет себя упрашивать.

Буфет открыт, но выбор блюд более чем скуден. Из напитков – один только «кумыс» – перебродившее кобылье молоко, имеющее вкус жидких чернил, правда, говорят, очень питательное. Мне трудно заставить себя попробовать эту жидкость, Попов же находит ее превосходной, а это самое главное.

Узбеков и киргизов, вышедших в Ашхабаде, в вагонах второго класса заменили другие пассажиры – афганцы. Это все купцы и, по большей части, контрабандисты, очень опытные в такого рода делах. Весь зеленый чай, потребляемый в Средней Азии, они доставляют из Китая через Индию и, несмотря на то, что это очень замедляет перевозку, ухитряются продавать его дешевле русского чая. Естественно, что багаж этих афганцев был осмотрен с большой тщательностью и даже с пристрастием.

Поезд отошел в четыре часа утра. Наш вагон по-прежнему напоминает спальню. Я завидую крепкому сну моих спутников, но делать мне в вагоне нечего, и я опять выхожу на площадку.

На восточном горизонте занимается заря. Мимо поезда мелькают то развалины древнего города, то окруженная высокими валами крепость, то ряд длинных портиков, которые тянутся более чем

на полтора километра. Миновав несколько насыпей, необходимых здесь благодаря неровностям песчаной почвы, поезд мчится по гладкой степи.

Мы идем со скоростью шестьдесят километров, направляясь на юго-восток, вдоль персидской границы. Железнодорожная линия удаляется от нее только за Душаком. На этом участке пути, в течение трех часов, мы останавливались лишь на двух станциях: в Гяурсе, откуда отходит ветка на Мешхед и уже виднеются возвышенности Иранского плоскогорья, и в Артыке, где в изобилии имеется вода, хоть и солоноватая.

Затем мы пересекаем оазис, образуемый одним из притоков Артека, довольно большой реки, впадающей в Каспийское море. Повсюду много зелени и деревьев. Действительно, это настоящий оазис. Такой был бы хорош и в Сахаре. Он тянется до станции Душак, на шестьсот шестой версте, куда мы прибываем в шесть часов утра.

Два часа остановки, иначе говоря – двухчасовая прогулка. Отправляюсь осматривать Душак в сопровождении майора Нольтица, снова выступающего в качестве гида.

Нас опережает какой-то путешественник. Узнаю сэра Фрэнсиса Травельяна.

Майор обращает мое внимание на то, что физиономия этого джентльмена стала еще более кислой, губы оттопырились еще презрительней и весь его облик типичного англосакса выражал еще большее недовольство.

– И знаете почему, господин Бомбарнак? – спрашивает мой собеседник. –

Потому, что от этой станции Душак легко было бы протянуть линию через афганскую границу, Кандагар, Боланский перевал и Пенджикентский оазис, до пересечения с конечной станцией английской железной дороги в Индии. И тогда обе дороги соединились бы.

– И какова была бы протяженность этой линии?..

– Меньше тысячи километров; но англичане упорно не хотят протянуть руку русским. А между тем, как выгодно было бы для их торговли, если бы Калькутта оказалась в двенадцати днях пути от Лондона!

Непринужденно беседуя, мы с майором Нольтицем огибаем Душак. Давно уже говорили, что эта скромная деревушка станет со временем значительной узловой станцией. Так и произошло. Теперь ее соединяет ветка с Тегеранской железной дорогой в Персии (на самом деле такой линии нет, так же, как и линии Гяурс-Мешхед; Жюль Верн и в данном случае изображает желаемое, как уже осуществленное, соединяя Россию с Персией железной дорогой через Среднюю Азию), а в направлении индийской границы не проводилось даже никаких изысканий. До тех пор, пока джентльмены, подобные сэру Фрэнсису Травельяну, будут задавать тон в Соединенном Королевстве, нечего и надеяться на благоприятное решение этого вопроса.

Тут я спрашивал у майора, безопасна ли езда по Великой Трансазиатской магистрали?

– В пределах Туркестана, – отвечает он, – безопасность вполне гарантирована. Русские железнодорожные служащие непрерывно наблюдают за путями, поблизости от вокзалов учреждены полицейские посты, а так как станции находятся на небольших расстояниях, то я не думаю, чтобы путешественникам приходилось опасаться кочевых племен. К тому же туркменское население полностью подчинилось требованиям русской администрации, подчас очень суровым (царское правительство установило в Туркестане колониальную систему управления, при которой коренное население, как и при ханской власти, продолжало оставаться в приниженном положении). За все годы существования Закаспийской дороги не было никаких нападений на поезда.

– Это, конечно, утешительно. Ну, а как по ту сторону границы, на пути к Пекину?

– Там другое дело, – отвечает майор. – На Памирском плато до Кашгара путь охраняется строго, но дальше, на собственно китайской территории, местная администрация не столь расторопна, и, по правде говоря, я не особенно ей доверяю.

– А станции там расположены далеко одна от другой?

– Иногда очень далеко.

– И русские служащие будут там заменены китайскими?

– Да, за исключением нашего начальника поезда Попова, который будет сопровождать нас до конца пути.

– Итак, значит, машинисты, кочегары и вся поездная прислуга будут китайцы?.. Это как раз, майор, меня и беспокоит, ведь безопасность пассажиров...

– Можете не беспокоиться, господин Бомбарнак. Китайские железнодорожники не менее опытные, чем русские, и притом они превосходные механики. Есть среди них и инженеры, которые ловко проложили путь через всю Поднебесную Империю. Китайцы, несомненно, принадлежат к очень умной расе, весьма склонной к промышленному прогрессу.

– Я охотно верю, майор Нольтиц, и не сомневаюсь, что в один прекрасный день она станет во главе цивилизованного мира... конечно, вслед за славянской!

– Трудно сказать, что нам готовит будущее, – улыбаясь, отвечает майор.

– Что же касается китайцев, то я могу подтвердить, что они весьма сообразительны и обладают удивительной легкостью восприятия. Я лично в этом убедился, когда видел их за работой.

– Отлично! С этой стороны, стало быть, нет никакой опасности. А что вы скажете о разбойниках? Разве не бродят они по бескрайним пустыням Монголии и Северного Китая?

– И вы думаете, что бандиты осмелятся напасть на поезд?

– Вот именно, майор, и это меня немного успокаивает.

– Успокаивает?!

– Да, я это и хотел сказать. Но боюсь только одного – как бы наше путешествие вообще не обошлось без приключений.

– Поистине, господин репортер, вы меня восхищаете! Значит, вы ищете приключений...

– Как врач ищет больных... Я только о них и мечтаю.

– В таком случае, господин Бомбарнак, я боюсь, что вы будете разочарованы. Говорят, не знаю, правда это или нет, будто Компания вошла в соглашение с несколькими предводителями банд.

– Подобно тому, как греческие власти с разбойником Хаджи-Ставросом в романе Абу?.. (Абу Эдлюн (1828-1885) – французский беллетрист и публицист)

– Именно так, господин Бомбарнак, и как знать, не успела ли железнодорожная компания войти в сделку и с остальными.

– Трудно этому поверить.

– Почему же? – отвечает майор Нольтиц. – Это было бы вполне в духе времени – откупиться от разбойников, чтобы обеспечить таким образом безопасность движения поездов. Впрочем, говорят, что один из этих тружеников большой дороги, некто Ки Цзан, пожелал сохранить свою независимость и свободу действий.

– Что вы о нем знаете?

– Это один из самых дерзких разбойников. Он полукитаец, полумонгол.

После того, как он долго бесчинствовал в Юньнани, где его в конце концов выследили, он перенес свою деятельность в северные провинции. Его видели и в той части Монголии, по которой проходит Великий Трансазиатский путь...

– Вот и отлично! Такой поставщик хроники мне нужен до зарезу!

– Однако, господин Бомбарнак, встреча с Ки Цзаном может вам дорого обойтись...

– Что вы, майор! Разве «XX век» не достаточно богат, чтобы заплатить за свою славу!

– Заплатить деньгами, – да. Но вы забываете, что мы можем поплатиться не только кошельком, но и жизнью. Хорошо еще, что наши попутчики не слышали ваших рассуждений, а то бы они потребовали, чтобы вас высадили на первой же станции. Будьте осторожны и не выдавайте ваших желаний – желаний репортера, который ищет приключений. А главное – забудем про этого Ки Цзана. Так будет лучше для путешественников...

– Но не для путешествия, майор, – замечаю я.

И мы возвращаемся на вокзал. Поезд простоит здесь еще не меньше получаса. Я прогуливаюсь по платформе и наблюдаю, как маневрирует локомотив, прицепляющий к нашему составу еще один багажный вагон. Он прибыл из Тегерана по Мешхедской ветке, той самой, что соединяет столицу Персии с Закаспийской магистралью.

Вагон заперт и запечатан, его сопровождает конвой из шести монголов, ни на минуту не спускающих с него глаз.

Не знаю, может быть, это зависит от направленности моего ума, но мне начинает казаться, будто в вагоне этом есть что-то особенное, таинственное, и так как с майором мы расстались, я

обращаюсь к Попову, наблюдавшему за маневрами паровоза:

– Куда направляется этот вагон?

– В Пекин, господин Бомбарнак.

– А что в нем везут?

– Что везут? Важную персону.

– Важную персону?

– Это вас удивляет?

– Еще бы... В багажном вагоне...

– Но так она пожелала.

– Прошу вас, господин Попов, предупредите меня, когда эта важная персона покинет вагон.

– Она его не покинет.

– Почему?..

– Потому, что она мертва. Это покойник.

– Покойник?

– Да, тело везут в Пекин, где оно будет похоронено со всеми подобающими почестями.

Наконец-то в нашем поезде появилась значительная личность! Правда, это труп, но не все ли равно! Я обращаюсь к Попову с просьбой узнать имя покойника. Должно быть, это какой-нибудь мандарин высшего ранга. Как только я это выясню – немедленно пошлю телеграмму «XX веку».

Пока я хожу вокруг да около, к вагону подходит какой-то пассажир и начинает его разглядывать с не меньшим любопытством, чем я.

Это молодцеватый мужчина, лет сорока, высокого роста, смуглый, с несколько мрачным взглядом, лихо закрученными мушкетерскими усами и немигающими веками. На нем изящный костюм, какие носят обычно богатые монголы.

«Вот великолепный тип, – подумал я. – Не знаю, суждено ли ему стать главным действующим лицом, которого мне недостает, но на всякий случай отведу для него номер 12 в реестре моей странствующей труппы».

Вскоре я узнаю от Попова, что новое действующее лицо носит имя Фарускиар. Его сопровождает другой монгол того же возраста, но низшего ранга, – некто Гангир.

Теперь уже они оба вертятся возле вагона, который прицепляют в

хвосте поезда перед багажным, и обмениваются несколькими словами. Когда маневрирование закончилось, монголы заняли места в вагоне второго класса, рядом с траурным, чтобы драгоценное тело всегда было под их наблюдением.

Вдруг на платформе раздаются вопли:

– Ловите!.. Держите!..

Я сразу узнаю крикуна. Так орать может только барон Вейсшнитцердерфер.

На сей раз нужно остановить не поезд, а улетающую шапку, голубую шапку-каску, которую сильный порыв ветра сорвал с головы барона. Она катится по платформе, по рельсам, вдоль стен и заборов, а ее владелец, задыхаясь, бежит за ней и никак не может поймать.

Должен вам сказать, что при этом уморительном зрелище супруги Катерна держатся за бока от хохота, молодой китаец Пан Шао надрывается от смеха и один лишь доктор Тио Кин остается невозмутимо-серьезным.

Немец, багровый, запыхавшийся, совсем уже выбился из сил. Дважды ему удалось коснуться рукой своего головного убора, но тот снова ускользал.

Кончилось тем, что барон растянулся во всю длину, запутавшись головой в складках широкого плаща, и это происшествие послужило для господина Катерна поводом, чтобы пропеть знаменитый мотив из оперетки «Мисс Эллиет»:

Вот неожиданный скандал, Представьте, что я увидал...

Нет ничего досадней и комичней погони за шляпой, которую уносит сильный ветер. Она мечется из стороны в сторону, кружится, скачет, парит в воздухе и ускользает из-под рук как раз в ту минуту, когда вы думаете, что наконец схватили ее. Случись это со мной, я бы нисколько не обиделся на тех, кого рассмешила эта забавная игра.

Но барон не понимает и не прощает шуток. Он мечется, прыгает и устремляется к железнодорожному полотну. Ему кричат: «Осторожно!

Берегитесь!», так как в эту минуту к вокзалу подходит поезд из Мерва. И тут настает конец злополучной шапки-каска: локомотив ее безжалостно давит, и она превращается в растерзанный блин,

который и вручают барону. А он в ответ раздражается градом проклятий под адресу Великой Трансазиатской магистрали.

Но вот дается сигнал к отправлению. Пассажиры, и новые, и старые, торопятся на свои места. Среди вновь прибывших я замечаю трех монголов, которые производят на меня очень странное впечатление. Они садятся в вагон второго класса.

Поднимаясь на площадку, я слышу, как молодой китаец обращается к своему компаньону:

– Доктор Тио Кин, вы обратили внимание на этого немца с его потешной шляпой? Вот когда я вволю посмеялся!

Но что я слышу? Пан Шао бегло говорит по-французски, говорит, как настоящий парижанин!

Я изумлен – и при первом удобном случае непременно заведу с ним разговор.

9.

Поезд отошел точно по расписанию. На этот раз барону не на что будет жаловаться. Впрочем, мне вполне понятно его нетерпение: одна минута опоздания, и он пропустит пароход из Тяньцзиня в Японию.

Поначалу день обещал быть прекрасным. А потом вдруг поднялся такой сильный ветер, что, казалось, он способен потушить солнце, как простую свечу. Это один из тех ураганов, которые, как я слышал, останавливают поезда на Великой Трансазиатской магистрали. Сегодня, к счастью, он дует с запада, вслед поезду, и потому с ним можно будет примириться. Попробую остаться на площадке.

Теперь я должен завязать знакомство с молодым Пан Шао. Попов был прав: он, как видно, из богатой семьи, прожил несколько лет в Париже, учась и развлекаясь. Вероятно, ему частенько приходилось бывать и на «файф-о-клоках» (чай среди дня, обыкновенно в пять часов вечера; здесь – званые вечера, устраиваемые редакцией (англ.)) «XX века».

Нужно заняться и другими делами и прежде всего человеком в ящике.

Пройдет целый день, прежде чем мне удастся избавить его от

тревоги.

Воображаю, как он беспокоится! Но пробираться в багажный вагон днем было бы слишком опасно. Придется подождать до ночи.

Кроме того, у меня намечена в программе беседа с супругами Катерна.

Впрочем, это будет делом несложным.

Куда труднее завязать отношения с номером двенадцатым, великолепнейшим Фарускиаром. Этот восточный человек застегнут на все пуговицы. Не так-то просто к нему подступиться!

Да! Надо еще поскорее узнать имя мандарина, который возвращается в свою Поднебесную Империю, чтобы принять погребальные почести. Думаю, что Попову удастся это выведать у одного из стражников, приставленного к телу его превосходительства. Будет просто замечательно, если мертвец окажется каким-нибудь важным государственным деятелем – китайским принцем или хотя бы министром!..

Вот уже час, как поезд перерезает обширный оазис. Потом пойдет сплошная пустыня. Почву там образуют аллювиальные наносы (образуются в результате деятельности текучих вод (пески, глина, суглинки, галька)), и тянутся они вплоть до окрестностей Мерва. Пора уже привыкнуть к однообразию и монотонности путешествия. И так будет до границы Туркестана – оазис и пустыня, пустыня и оазис. Правда, по мере приближения к Памирскому плоскогорью вид местности будет меняться. Красивые пейзажи в изобилии попадаются в этом горном узле, который русские разрубили совершенно так же, как Александр Македонский разрубил узел, связывавший в колеснице Гордия ярмо с дышлом. После этого македонский завоеватель установил, как известно, господство над Азией. Вот хорошее предзнаменование для России, разрубившей Памирский узел! (В древнегреческой легенде рассказывается о финикийском царе Гордие, который прикрепил ярмо к дышлу колесницы таким тугим узлом, что его невозможно было развязать. Между тем предсказание оракула гласило, что Азия достанется тому, кто сможет развязать Гордиев узел. Александр Македонский не стал его распутывать, но разрубил мечом.

Жюль Верн намекает на присоединение Туркестана к России.)

Итак, подождем Памира с его живописной природой. А по ту сторону Памирского плато расстилаются бесконечные равнины китайского Туркестана и пески, пески, пески громадной пустыни Гоби. И снова потянется монотонная, однообразная дорога.

Половина одиннадцатого. В вагоне-ресторане скоро будет завтрак. А пока, вместо утренней прогулки, пройду по всему поезду.

Где же Фульк Эфринель? Я не вижу американца на его посту подле мисс Горации Блуэтт. Я вежливо с ней раскланиваюсь и осведомляюсь о ее спутнике.

– Мистер Фульк пошел взглянуть на свой багаж, – отвечает она. Вот как, он уже «мистер Фульк»! Подождем немного, и будет просто «Фульк».

Величественный Фарускиар с самого начала забился с Гангиром в задний конец второго вагона. Здесь я застаю их и сейчас. Они сидят вдвоем и тихо разговаривают.

На обратном пути встречаю Фулька Эфринеля, спешащего к своей спутнице.

По американской привычке он встряхивает мне руку. Я говорю ему, что мисс Горация Блуэтт уже сообщила мне, куда он ходил.

– О! – восклицает он, – какая деловитая женщина, какая выдающаяся негоциантка! Это одна из тех англичанок...

– Которые вполне достойны быть американками! – заканчиваю я.

– Wait a bit! – отвечает он, многозначительно улыбаясь.

Китайцев на месте не оказалось. Значит, они ушли завтракать. Проходя мимо, вижу на вагонном столике книжку, оставленную доктором Тио Кином.

Я не думаю, чтобы со стороны репортера было нескромностью взять книжечку, раскрыть ее и прочесть следующее заглавие:

О ВОЗДЕРЖАННОЙ И ПРАВИЛЬНОЙ ЖИЗНИ, ИЛИ ИСКУССТВО ДОЛГО ЖИТЬ, ПРЕБЫВАЯ В ДОБРОМ ЗДРАВЬИ СОЧИНЕНИЕ ЛЮДОВИКА КОРНАРО, БЛАГОРОДНОГО ВЕНЕЦИАНЦА.

С прибавлением советов, как исправить дурной характер, как пользоваться совершенным счастьем до самого преклонного возраста и умереть только в глубокой старости, вследствие

полного истощения жизненных соков.

САЛЕРНО, MDCCXXXII

Так вот каково любимое чтение доктора Тио Кина! Теперь мне понятно, почему непочтительный ученик иногда в насмешку называет его Корнаро!

Кроме заглавия, я успеваю прочесть еще девиз:

Absti entia adjicit vitam (воздержание продлевает жизнь (лат.))

Но я отнюдь не собираюсь следовать девизу благородного венецианца – по крайней мере, за завтраком.

В вагоне-ресторане застаю всех на обычных местах. Я сажусь рядом с майором Нольтицем, который внимательно наблюдает за сидящим на противоположном конце стола господином Фарускиаром и его компаньоном. Нас обоих очень занимает этот неприступный монгол. Интересно, кто он такой?

– Вы только подумайте, – говорю я, и мне самому становится смешно от такой вздорной мысли, – а что, если бы это был...

– Кто же? – спрашивает майор.

– Атаман разбойничьей шайки... тот самый знаменитый Ки Цзан...

– Шутите, шутите, господин Бомбарнак, только, прошу вас, не так громко!

– Однако, согласитесь, майор, это была бы одна из интереснейших личностей, вполне достойная самого подробного интервью.

Продолжая болтать, мы с аппетитом поглощаем завтрак. Приготовлен он очень вкусно. В Ашхабаде и Душаке успели запастись свежими продуктами. Из напитков нам предложили чай, крымское вино и казанское пиво (инженер Буланжье в своих путевых записках воздает должное русской кухне (прим.авт.)); из мясных блюд – бараньи котлеты и превосходные консервы; на десерт – сочную дыню, груши и отборный виноград.

После завтрака я выхожу на заднюю площадку вагона-ресторана выкурить сигарету. Вслед за мной туда является господин Катерна. Почтенный комик, видимо, сам искал случая со мной заговорить.

Его умные полузакрытые глаза, гладко выбритое лицо, щеки, привыкшие к фальшивым бакенбардам, губы, привыкшие к фальшивым усам, голова, привыкшая к черным, рыжим, седым, лысым или косматым парикам, в зависимости от роли, – все выдает в нем комедианта, созданного для жизни на подмостках. Но при этом у него такое открытое лицо, такой веселый взгляд, такие честные глаза, такая прямодушная манера держаться, что сразу узнаешь в нем славного, искреннего человека.

– Сударь, – обращается он ко мне, – неужели двое французов могут проехать вместе от Баку до Пекина, не познакомившись друг с другом?

– Сударь, – отвечаю я, – когда я встречаю соотечественника...

– И вдобавок еще парижанина.

– Следовательно, дважды француза, – прибавляю я, – то я не мог бы себе простить, если бы не пожал ему руки. Итак, господин Катерна...

– Вы знаете мою фамилию?

– Равно, как и вы мою. Я в этом уверен.

– И не ошиблись. Вы – господин Бомбарнак, корреспондент «XX века».

– И ваш покорный слуга.

– Тысяча благодарностей, господин Бомбарнак, даже десять тысяч, как говорят в Китае, куда мы едем с госпожой Катерна...

– Чтобы играть комические роли в шанхайском театре, основанном для французов.

– Так вы все знаете?

– На то я и репортер!

– Это верно!

– Я даже могу сказать, господин Катерна, основываясь на некоторых морских словечках, которые вы употребляете, что раньше вы служили на флоте.

– Это верно, господин репортер. Я бывший командир шлюпки адмирала Буасуди на борту «Грозного».

– В таком случае я не понимаю, почему же вы, моряк, отправились в Китай не морем, а в поезде...

– Это действительно может показаться странным, господин Бомбарнак. Но дело в том, что мадам Катерна, эта бесспорно

первая провинциальная опереточная актриса, лучшая исполнительница ролей субреток и травести, которой никакая другая не срезала бы носа – извините, это по старой флотской привычке, – не переносит морской волны. Когда я узнал о существовании Великой Трансазиатской магистрали, я ей сказал: «Успокойся, Каролина! Пусть тебя не тревожит обманчивая и коварная стихия! Мы проедем через Россию, Туркестан и Китай сухим путем». И как она обрадовалась, моя милочка, такая храбрая, такая преданная, такая... я не нахожу подходящего слова! – такая талантливая инженер (амплуа актрисы, исполняющей роли наивных девушек), которая в случае надобности сыграла бы даже дуэнью (в Испании – пожилая женщина, хозяйка, госпожа; здесь – амплуа комедийной актрисы), чтобы не оставить на мели директора театра! Артистка, настоящая артистка!

Господин Катерна говорил с увлечением. Как выражаются механики, «он был под высоким давлением», и оставалось только выпустить из него пар. Как это ни странно при его профессии, он обожает свою жену, и мне хочется думать, что она отвечает ему тем же. В общем, если верить его словам, они – идеальная пара: никогда не унывают, не теряются, всегда довольны своей участью, страстно влюблены в театр, особенно провинциальный, где госпожа Катерна играла в драмах, водевилях, комедиях, опереттах, комических операх, переводных пьесах, пантомимах. Они счастливы, когда представление начинается в пять часов вечера и заканчивается в час ночи. Они играют в театрах больших и малых городов, в залах мэрий, в деревенских амбарах, зачастую без подготовки, без декораций, без оркестра, иногда даже без зрителей. Словом, это комедианты, не разборчивые на роли, готовые выступить в любом амплуа.

Господин Катерна, этот неунывающий парижанин, был, вероятно, общим любимцем и балагуром на корабле. У него ловкие, как у фокусника, руки и гибкие ноги, как-у канатного плясуна. Он умеет языком и губами имитировать все деревянные и медные инструменты и располагает к тому же самым разнообразным ассортиментом старинных народных песенок, застольных куплетов, патриотических мелодий, кафешантных монологов и скетчей. Он

рассказывал мне обо всем этом с выразительными жестами, с неистощимым красноречием, шагая взад и вперед по площадке и покачиваясь на широко расставленных ногах со слегка обращенными внутрь ступнями – ну, истый моряк, всегда в веселом и бодром настроении. В обществе такого жизнерадостного товарища соскучиться невозможно!

– А где вы выступали перед отъездом из Франции? – спрашиваю я.

– В Ферте-Су-Жуар (маленький городок неподалеку от Парижа), где мадам Катерна с огромным успехом исполняла роль Эльзы в «Лознгрине», которого мы играли без музыки. Но зато какая интересная и талантливая пьеса!

– Вы, наверное, исколесили весь свет, господин Катерна?

– Вы правы, мы побывали в России, в Австрии, в обеих Америках. Ах!

Господин Клодиус...

Он уже зовет меня Клодиусом!

– Ах, господин Клодиус, когда-то я был кумиром Буэнос-Айреса и пользовался огромным успехом в Рио-де-Жанейро. Не думайте, что я решил прихвастнуть. Нет, я себя не переоцениваю! Я плох в Париже, но великолепен в провинции. В Париже играют для себя, а в провинции – для зрителей. И к тому же какой разнообразный репертуар!

– Примите мои поздравления, дорогой соотечественник!

– Принимаю, господин Бомбарнак, так как я очень люблю мое ремесло. Что вы хотите? Не все могут претендовать на звание сенатора или... репортера!

– Ну, это довольно ядовито сказано, господин Катерна, – ответил я, улыбаясь.

– Нет, что вы... это я только так, для красного словца.

Пока неистощимый комик выкладывал свои истории, мимо нас мелькали станции: Кулька, Низашурш, Кулла-Минор и другие, имеющие довольно грустный вид; затем Байрам-Али на семьсот девяносто пятой версте, Урлан-Кала – на восемьсот пятнадцатой.

– При этом, – продолжал господин Катерна, – переезжая из города в город, мы подкопили и немного денег. На дне нашего сундука хранятся несколько облигаций Северного банка, которыми я особенно дорожу, – это надежное помещение денег, – и они

добыты честным трудом, господин Клодиус!

Хоть мы живем и при демократическом режиме, в эпоху, так сказать, всеобщего равенства, но нам еще очень далеко до того времени, когда благородный отец (амплуа опереточного комика) будет сидеть рядом с женою префекта на обеде у председателя судебной палаты, а субретка (амплуа комедийной актрисы) в паре с префектом откроет бал у генерал-аншефа (генерал армии, главнокомандующий). Пока что мы предпочитаем обедать и танцевать в своем кругу.

– И я полагаю, господин Катерна, что это не менее весело, чем...

– И, уверяю вас, господин Клодиус, не менее достойно, – добавляет будущий шанхайский первый комик, встряхивая воображаемым жабо с непринужденностью вельможи эпохи Людовика XV.

Тут к нам присоединяется госпожа Катерна. Это поистине достойная подруга своего мужа, созданная для того, чтобы подавать ему реплики как на сцене, так и в жизни, одна из тех редкостных служительниц театра, которые не жеманятся и не злословят, из тех, по большей части случайных детей странствующих комедиантов, которые рождаются на свет неведомо где и даже неведомо как, но бывают предобрыми и милыми созданиями.

– Представляю вам Каролину Катерна, – провозглашает комик таким торжественным тоном, как если бы знакомил меня с самой Патти (Патти Аделина (1843-1919) – знаменитая итальянская певица) или Сарой Бернар (Сара Бернар (1844-1923) – выдающаяся французская актриса).

– Я уже обменялся рукопожатием с вашим мужем, а теперь буду счастлив пожать и вашу руку, госпожа Катерна, – говорю я.

– Вот она, сударь, – отвечает мне актриса, – подаю ее вам запросто, без всяких церемоний и даже без суфлера.

– Как видите, сударь, она не ломака, а лучшая из жен.

– Как и он – лучший из мужей!

– Я горжусь этим, господин Клодиус, – отвечает комик, – и знаете почему? Я понял, что весь смысл супружеского счастья заключается в следующем евангельском правиле, с которым должны были бы считаться все мужья: что любит жена, то и ест ее муж!

Поверьте мне, я был тронут, глядя на этих честных комедиантов, столь не похожих на сидящих в соседнем вагоне маклера и маклершу. Те любезничают по-своему: для них нет ничего более приятного, как подводить баланс, подсчитывать приход и расход. Но вот и барон Вейшнитцердерфер, уже раздобывший где-то новую дорожную шапку. Он выходит из вагона-ресторана, где, как я полагаю, занимался не изучением железнодорожного расписания.

– На авансцене владелец потерпевшей крушение шляпы! – объявил господин Катерна, как только барон вошел в вагон, не удостоив нас поклоном.

– Сразу узнаешь немца, – прибавляет госпожа Катерна.

– А еще Генрих Гейне называл этих людей сентиментальными дубами! – говорю я.

– Сразу видно, что он не знал нашего барона, – отвечает господин Катерна, – дуб – с этим я вполне согласен, но сентиментальный...

– Кстати, – спрашиваю я, – вы знаете, зачем он едет по Великому Трансазиатскому пути?

– Чтобы поесть в Пекине кислой капусты, – выпаливает комик.

– Ну, нет... Совсем не для того. Это соперник мисс Нелли Блай (американская журналистка, в 1889 г. совершила кругосветное путешествие за 72 дня и получила от Жюль Верна приветственную телеграмму такого содержания: «Я никогда не сомневался в успехе Нелли Блай. Она доказала свое упорство и мужество. Ура в ее честь. Жюль Верн»). Он собирается совершить кругосветное путешествие за тридцать девять дней.

– За тридцать девять! – восклицает господин Катерна. – Вы хотите сказать – за сто тридцать девять! Уж на спортсмена-то он никак не похож!

И комик напевает голосом, похожим на охрипший кларнет, известный мотив из «Корневильских колоколов»:

Ходил три раза кругом света... и добавляет по адресу барона:

Но половины не прошел... Romanlar